

А. А. Гусейнов¹

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ (К столетию «философского парохода»)

Прошлый, 2022 год стал столетием события, получившего символическое обозначение «философский пароход», — административной высылки за границу группы отечественных ученых и деятелей культуры, целенаправленно отобранных по критерию их враждебности к советской власти и ее идеологии (на официальном языке именовавшихся активными контрреволюционерами и представителями буржуазной интеллигенции)². Высылка осуществлялась пароходами, в том числе двумя из Петрограда, специально снаряженными для этой цели, а среди высланных были известные философы (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, И. А. Ильин, Ф. А. Степун, И. И. Лапшин) — отсюда и возникшее задним числом и ставшее нарицательным обозначение (первоначально возникло как название большой статьи С. С. Хоружего в двух номерах «Литературной газеты» от 1990 г.³, посвященной этому событию). Высылка была оформлена как пожизненное изгнание из страны (высланные подписывали добровольное согласие на невозвращение, а в случае возвращения им грозил расстрел). Но, как говорится, никогда не говори «никогда»: через 65 лет, в 1987 году, произошло возвращение «философского парохода», и оно стало уже дважды символическим: не было никаких пароходов, как не было уже и тех, кто мог бы вернуться. «Философский пароход» стал важной категорией современной отечественной культуры, и именно в этом качестве его столетний юбилей отмечался общественностью страны. Сама растянутость на многие десятилетия свидетельствует о том, что речь идет о едином (одном) большом событии, которое имеет исторический масштаб и свою глубокую, закономерно обусловленную социальную природу.

Существует некая симметрия между началом и концом этого события.

Решение отправить в эмиграцию (выслать из страны) группу известных философов было, несомненно, политическим актом — одним из демонстративных действий высшей власти, предпринятых Главным политическим управлением под общим и оперативным руководством Политбюро ВКП(б) для того, чтобы

идеологически закрепить монополию своей партийной марксистской философии, возвести ее в ранг государственной идеологии.

Возвращение изгнанных некогда мыслителей (снятие государственной цензуры, издание и изучение наследия ученых) началось с решения Политбюро ЦК КПСС от 12 мая 1988 года «Об издании серии „Из истории отечественной философской мысли“». В приложенной записке А. Н. Яковлева, в частности, было сказано: «По разным причинам предан забвению целый массив философских произведений, который составил бы честь культуре любой европейской страны... Долгий период „замалчивания“ привел к негативным результатам»⁴. В список философов, чьи произведения были рекомендованы к изданию, были включены и пассажиры «философского парохода». Подготовить к публикации их труды было поручено журналу «Вопросы философии», а выпустить — партийному издательству «Правда». Именно легализация и даже акцентированное стимулирование запрещенного творчества некогда изгнанных философов придает этому постановлению несомненно политический характер и позволяет считать официальную датой возвращения «философского парохода».

Насколько мне известно, данное постановление, открывшее путь возвращению на родину пассажиров «философского парохода» и их трудов, исследовано не так подробно и конкретно, как подготовка и осуществление их высылки. Мы знаем, почему это изгнание произошло, кто персонально были его вдохновителями и организаторами, как оно протекало и т. п. Может быть, для последующих поколений такое исследование и будет необходимо для того, чтобы понять его действительное значение, но для нас — людей, находившихся в эти годы в философской среде, в этом не было нужды, ибо реальный смысл постановления не составлял никакой тайны. За ним стояло глухое недовольство умов, тяготившихся узкими рамками партийной идеологии и желавших вырваться на свободный простор самостоятельного мышления. Его общественный резонанс можно уподобить эффекту напора воды, прорывающей стоящие на ее пути шлюзы.

Возвращение «философского парохода» было не таким открытым и демонстративным, как акт изгнания, и официально объяснялось стремлением лучше осветить «обоснованность и оправданность политики и идеологии большевиков»⁵. Тем не менее, как показали последующие события, оно было понято гуманитарной общественностью как фактическое признание того, что «философский пароход» был ошибкой и что

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Этика и культура», «Философия — мысль и поступок», «Античная этика», «Золотое правило нравственности», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней», «Культурология Дмитрия Лихачева» (в соавт.) и др. Главный редактор журналов «Этическая мысль», «Social Sciences», член редколлегии журналов «Вестник РАН», «Философский журнал», «Вопросы философии», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

² См. подробнее: *Главацкий М. Е.* «Философский пароход»: год 1922-й. Историкографические этюды. Екатеринбург : УрГУ, 2002. 224 с.

³ *Хоружий С. С.* Философский пароход. Как это было? // Литературная газета. 1990. 9 мая, 6 июня.

⁴ Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое. 1988 год. [Док. № 29–56]. Документ № 36. Постановление Политбюро ЦК КПСС и записка А. Н. Яковлева об издании серии «Из истории отечественной философской мысли». URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023684> (дата обращения: 31.05.2023).

⁵ Там же.

на нем вместе с мыслителями государство изгоняло философию как свободное занятие для человека. Быстро начавшееся заполнение белых пятен отечественной философии кардинально изменило ее социальный статус.

1. «Философский пароход», воспринятый как единое историческое событие и целостное общественное явление, можно рассматривать как реально осуществленный научный эксперимент, раскрывающий характер соотношения философии и идеологии, точнее, как ответ на вопрос о том, в какой мере философия может быть возведена в ранг государственной идеологии.

Что касается общественного смысла высылки из страны определенной группы философов, почему и как это произошло, то здесь все ясно¹. Философы изгонялись как люди, вольная или невольная вина которых состояла в том, что они не разделяли марксистских взглядов и не поддерживали новую власть. И изгонялись они самой этой властью². Реальным результатом «философского парохода» стала реорганизация характера деятельности в области философии, которая проходила по двум взаимосвязанным направлениям: а) исключение из официально санкционированного публичного пространства страны всех философских направлений, кроме марксистско-ленинского; б) систематические, осуществляемые с разным успехом, но всегда противоречивые практические мероприятия по возведению этого единственного, считавшегося истинным направления в ранг государственной идеологии³ (к слову сказать, среди этих мероприятий одним из важнейших считалось составление цельного и популярного свода, своего рода катехизиса, правильного понимания правильной философии). Постановление Политбюро от 12 мая 1988 года повернуло движение в обратном направлении: оно стало началом отхода от монополии марксизма, а в итоге и от государственной идеологии вообще. Оно фактически сняло запрет с тех имен и произведений, на которые он был наложен в 1922 году.

Первым, самым очевидным и важным следствием стал вновь обретенный Россией философской плюрализм публичной жизни. Это означало, что результат эксперимента оказался отрицательным. Но, кажется, это тот самый случай, когда отрицательный результат обретает особую ценность.

¹ «Таким образом, при некотором разбросе мнений, исследователи истории высылки единодушны в том, что экспатриация инакомыслящей интеллигенции в 1922 году явилась логичным шагом в развитии внутренней политики страны. Ее главной причиной можно назвать попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту — тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим» (*Главацкий М. Е.* Указ. соч. С. 24).

² Вот отрывок из допроса Бердяева: «Вопрос. Скажите, г-н Бердяев, ваши взгляды на структуру советской власти и на систему пролетарского государства. Ответ. По убеждениям своим я не могу стоять на классовой точке зрения и одинаково считаю узкой, ограниченной и своекорыстной и идеологию дворянства, и идеологию крестьянства, и идеологию пролетариата, и идеологию буржуазии» (*Главацкий М. Е.* Указ. соч. С. 166–167).

³ Подробнее об этом см.: *Гусейнов А. А.* Философия и общество. К 100-летию Института философии РАН // *Вестник РАН.* 2021. Т. 91, № 8. С. 779–793.

2. Еще на исходе советской власти в процессе ослабления идеологического прессы в стране складывались философские учения, выпадавшие из официального канона и тем не менее ставшие точками общественного интеллектуального притяжения. Достаточно назвать имена выдающихся мыслителей А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, методолога Г. П. Щедровицкого. С «реабилитацией» русской философии Серебряного века вокруг имен и учений многих из ее выдающихся представителей — В. В. Розанова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, Л. Шестова и других — быстро и спонтанно сложились объединения.

Отдельно надо сказать о возвращении уже советских философов, изгнанных в 1970-е годы, и в первую очередь об уникальном русском мыслителе Александре Александровиче Зиновьеве, чей 100-летний юбилей мы отметили в прошлом году на государственном уровне как общенациональное событие. За последние годы отечественную гуманитарную среду пополнили новые общественно значимые философские идеи и имена, претендующие на собственные философские концепции: В. В. Библихин, В. А. Подорога, В. С. Степин, С. С. Хоружий и др. Словом, современный философский ландшафт является разноцветным, многоцветным.

Плюрализм как идейная разнонаправленность систем и учений — нормальное состояние философии, которая является продуктом свободной мысли, он (по крайней мере, его возможность) является условием здоровой атмосферы умственной жизни. Не существует философии вообще, она всегда является авторским продуктом. Говоря о философии, мы всегда уточняем, чья она — философия Декарта, Канта, Чернышевского, Маркса и т. д. Отсюда плюрализм как ее норма.

Но тот же плюрализм составляет для философии проблему. Философия — это не только имена и школы, она есть также самосознание общества, выражение духа времени, эпохи. Философию как самое чистое порождение ума создают отдельные личности, живые индивиды, но своим содержанием она охватывает бытие людей и мира в самом общем виде, в их первых принципах. Это значит, что философия выражает цивилизационную перспективу народа, его способность ориентировать себя в семье других народов. Так, русская философия всегда была озабочена вопросом об идеальном образе России, ее месте в истории. В этом аспекте, в стремлении выразить дух эпохи, времени, дух своего общества, своего народа каждая философия стремится стать их общим знаменателем, формой общественно-го сознания, скрепляющей сознательную деятельность людей. Каждое общество и каждый народ вырабатывают свою философию по мере того, как они поднимаются до уровня собственного видения исторического развития. Состояние философии в обществе, как мудро заметил Декарт, является признаком его цивилизованности.

Национальная идея философии плохо согласуется с плюрализмом философских учений. Вопрос не решается созданием общественных условий для того, чтобы каждое философское учение могло свободно развиваться в пределах своей школы и своих после-

дователей. Требуется такое решение, в рамках которого плюрализм философских учений был бы необходимой формой философского самосознания общества или, по крайней мере, не становился бы препятствием для этого. Плюрализм философских учений (интересов, школ) может существовать в разных формах. Он возможен как простое разнообразие философских учений, когда они просто соседствуют, находятся рядом, но может и остаться поверхностным явлением или даже стать причиной потери умственной самостоятельности. Плюрализм философских учений может быть также их многообразием внутри единого: это происходит тогда, когда они представляют разные ответы на одни и те же общие вопросы, которые волнуют все общество, всех его мыслящих представителей. В этом случае философские учения оказываются внутренне связанными между собой теми темами и проблемами, которые интересны для всего общества, а не только сторонников того или иного учения. Эти общие темы и проблемы задаются не философией, а историей народа, ее переломными вехами, крупными общественными событиями, такими как реформы, войны, смена элит, — событиями, которые сплывают большие массы людей в определенные группы (партии), обостряют размышления о будущем. Они формулируются политиками, духовными авторитетами, людьми, уполномоченными говорить от имени государства, направлять действия людей в определенное русло. Философия является современницей этих волнующих людей и общество проблем, они находят в ней свое выражение и отражение, переводятся на ее «птичий» язык, получают разнообразное концептуальное воплощение и создают новое идейное поле. Тем самым плюрализм философских учений становится единым полемическим пространством, неким подобием общенационального круглого стола.

3. Чему учит опыт «философского парохода»?

Первый вывод касается общего и различного между философией и идеологией.

Философия и идеология объективно имеют между собой нечто общее: та и другая являются формами сознания, отвечающими на вопрос об основополагающих принципах сознательной человеческой деятельности.

Между философией и идеологией существуют также различия, которые в своем значении существенных характеристик каждой из них обнаруживаются именно при их осмыслении в качестве различий. Они сводятся к двум важным пунктам.

А) Субъектом философии является каждый живой разумный индивид, поскольку он старается жить разумно; субъектом идеологии являются большие группы (классы) людей, так как они стремятся разумно устроить свою общую (совместную) жизнь.

Б) Философия в обществе как профессиональное занятие всегда существует во множественном числе. Философы, поскольку они сами являются живыми разумными индивидами, предлагают свое индивидуальное понимание того вопроса, которым они занимаются, аргументируя и публично предьявляя его в качестве самого лучшего и адекватного; следовательно, в этом отношении они схожи с такими мастерами сво-

его дела, как, например, ювелиры и поэты. Идеология, напротив, всегда предполагает единственное число, поскольку она призвана обеспечивать единство действий большого количества людей. Ее не может быть много, как не может быть, например, много императоров в империи, полководцев в армии, руководителей в учреждении.

Второй вывод: этот опыт выявляет соблазны, свойственные философии и идеологии.

По причине объективно обусловленных совпадений и различий между философией и идеологией как двумя формами общественного сознания они не могут не тянуться друг к другу. Более того — не просто тянуться, а посягать при этом на суверенитет другого, на его подмену. Каждая философия в ее содержательной определенности претендует на то, чтобы считать себя единственно истинной. Даже тогда, когда она сознает себя в качестве одной из скептических (антидогматических) версий, сам этот скептицизм она предьявляет в качестве универсального учения. В этом смысле она стремится стать идеологией для всех людей. Утопический опыт Платона, реализованный им в «Государстве» и «Законах», можно считать вечным соблазном философии. Идеология в ее современном светском виде, какой она, собственно, и приобрела вместе со своим наименованием после Великой французской революции, представляет собой иррационально-рациональную конструкцию, в которой движущее иррациональное ядро запрятано глубоко под рациональной оболочкой. И в той мере, в какой наряду с риторическими, эстетическими и прочими моментами идеология использует арсенал рационального познания, а именно — формулирует ценностные принципы коллективного сознания и придает своему содержанию строгий формально-логический вид, она неизбежно апеллирует к философии. Стремление стать философией составляет соблазн идеологии.

Третий вывод: следование этим соблазнам оказывается разрушительным и для философии, и для идеологии. Советское общество — от начала его героического становления до катастрофического разрушения — можно считать колоссальным экспериментом, осуществленным на основе и в соответствии с философией Маркса и Энгельса, сторонницей которой была победившая в русской революции 1917 года Коммунистическая партия. КПСС считала эту философию единственно научной, вбирающей в себя все ценное, что накопило человечество в области философии. Задача состояла в том, чтобы построить самое передовое общество, общие цели и контуры которого обоснованы в учении марксизма-ленинизма. Для этого надо было возвести это учение в государственную идеологию, чтобы она стала программой, собирающей общество воедино и направляющей его к общим целям. Так марксизм-ленинизм, основой которого является философия диалектического материализма, был превращен в идеологический канон и общую веру всего общества, подкрепленную необходимыми для этого политическими, просветительскими, институциональными и прочими изменениями. В частности, необходимо было очистить (путем запрета, изгнания) обществен-

ное пространство от всех других философских теорий как от ненужного мусора. Началом этого процесса очищения и стал «философский пароход». Это было именно слияние философии и идеологии, превращение первой в обязательную, контролируруемую государством силу и насыщение второй светским рациональным содержанием. Негативный исход данного экспери-

мента оказался разрушительным и для отечественной философии, и для идеологической составляющей жизни страны. Бесспорным доказательством этого служит возвращение к философскому плюрализму и отказ от государственной идеологии. Какие издержки, потери и искривления сопровождали и то и другое — это уже другой вопрос.